

ДИАНА ФУРСОВА

РАЗВОД С ДРАКОНОМ

АДВОКАТ ДЛЯ ОТВЕРГНУТЫХ ЖЁН

Диана Фурсова

**Развод с драконом. Адвокат
для отвергнутых жён**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Развод с драконом. Адвокат для отвергнутых жён / Д. Фурсова — «Литнет», 2026

На собственной церемонии развода Элиара должна лишиться не только мужа. По закону драконов у неё отнимут имя, дом, мастерскую и даже право оспорить приговор. Но в теле покорной леди просыпается женщина-адвокат из другого мира — и замечает в Полотне Клятвы то, что больше ста лет предпочитали не видеть. Один точный вопрос заставляет зазвонить запретный третий колокол. Теперь у Элиары всего тридцать дней, чтобы доказать подмену брачного соглашения, пережить войну репутаций и вернуть права женщинам, которых после развода заставили исчезнуть из собственной жизни. Её противники — влиятельный муж Дайрэн и хранители реестров, построившие власть на чужом молчании. Её самый опасный союзник — Кайрвен Торнель, холодный серебряный дракон и безупречный арбитр, привыкший служить закону, даже когда закон несправедлив. Следы украденных имён ведут в тайный архив под дворцом. И чем ближе Элиара подбирается к правде, тем яснее становится: её развод — лишь первая нить огромного заговора. Чтобы обрести свободу, ей придётся изменить законы целого королевства. А ещё решить, можно ли доверить сердце мужчине, который впервые готов поставить правду выше власти.

© Фурсова Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Развод под звон семи колоколов	5
Глава 2. Дом, которого не существует	19
Глава 3. Первое дело отвергнутой жены	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1. Развод под звон семи колоколов

Когда над головой Элиары ударил первый колокол, мужчина напротив неё потребовал, чтобы она добровольно отказалась от собственного имени.

Звон прокатился под сводами дворцового зала, заставив дрогнуть серебряные нити огромного полотна, натянутого между двумя чёрными колоннами. В вышине шевельнулись изображения крылатых зверей, а собравшиеся на церемонию придворные одновременно повернули головы к женщине в белом платье.

Все ждали её ответа.

Элиара тоже хотела бы его услышать, потому что пока не понимала ни заданного вопроса, ни того, как оказалась посреди незнакомого зала, окружённая людьми в расшитых золотом одеждах.

Последним ясным воспоминанием был дождь за окнами её кабинета, раскрытая папка с документами и клиентка, которая плакала не из-за предательства мужа, а из-за страха остаться без дома. Элиара тогда в третий раз перечитывала брачный договор, пытаясь найти формулировку, способную изменить исход дела.

Теперь перед ней лежал другой договор.

Он был не напечатан на бумаге, а вышит на тонкой серебристой ткани, по которой медленно двигались светящиеся строки. Некоторые буквы исчезали прямо у неё на глазах, будто невидимая рука вытягивала нити из полотна.

— Госпожа Вельнор, — произнёс мужчина справа, и его ровный голос отчётливо прозвучал в наступившей тишине. — Вы слышали требование супруга?

Элиара повернула голову.

Говоривший стоял у высокого стола, покрытого тёмно-синим сукном. На его плечах лежала тяжёлая цепь с изображением весов, а на левом рукаве серебром был вышит дракон с расправленными крыльями. Мужчина выглядел немногим старше тридцати. Тёмные волосы были собраны на затылке, черты лица казались слишком строгими, чтобы допускать улыбку, а серые глаза смотрели внимательно и без заметного сочувствия.

Перед ним находились семь печатей, семь тонких молоточков и раскрытая книга с металлическими краями.

Судья, решила Элиара, хотя окружающая обстановка больше напоминала религиозную церемонию или публичную казнь репутации.

— Она всё услышала, арбитр Торнель, — ответил мужчина напротив неё. — Моя супруга всегда слышит только то, что выгодно ей.

Он был высоким, широкоплечим и настолько уверенным в себе, что даже стоял так, словно зал принадлежал ему по праву рождения. Тёмно-рыжие волосы отливали медью в свете подвесных кристаллов. На виске проступал узор из мелких бронзовых чешуек, исчезавший под воротником парадного камзола.

Элиара посмотрела на его лицо и ощутила чужую боль.

Она пришла не из её собственных воспоминаний. Внутри будто натянулась тонкая струна, отозвавшаяся унижением, страхом и нелепой надеждой. Женщина, которой принадлежало это тело, любила стоявшего напротив мужчину. Любила долго, преданно и, судя по тяжести, с которой отдавалось каждое его слово, совершенно безответно.

Имя возникло в сознании без предупреждения.

Дайрэн Корваль.

Её муж.

Или уже почти бывший муж.

— Я задал вопрос госпоже Вельнор, — сказал арбитр Торнель. — Не вам, лорд Корваль.

Дайрэн едва заметно усмехнулся и склонил голову, изображая почтение, которого в его взгляде не было.

Элиара снова посмотрела на полотно.

В верхней части серебряными нитями были выведены два имени: Дайрэн Корваль и Элиара Вельнор. От них расходились десятки более тонких линий, соединявших изображения дома, земель, сундуков, фамильных знаков и какого-то круглого здания с шестью окнами. Почти все нити, отходившие от имени Элиары, уже потемнели.

Под полотном стояла женщина в сером облачении. Она держала изогнутые ножницы и ждала разрешения перерезать очередную нить.

— Повторите требование, — попросила Элиара.

По залу прошёл лёгкий шум.

Кто-то тихо рассмеялся. Кто-то произнёс её имя с тем снисходительным сожалением, которым провожают человека, ещё не понявшего, насколько безнадёжно его положение.

Дайрэн не смеялся. Его взгляд стал настороженным.

— Ты отказываешься принимать решение мужа даже сейчас?

— Я прошу вас повторить требование полностью, — сказала Элиара. — Желательно без оценок моего характера.

Уголок рта арбитра Торнеля едва заметно дрогнул, но выражение его лица осталось строгим.

Дайрэн медленно расправил плечи.

— Я требую расторгнуть наш брак, освободить меня от обязательств перед тобой и исключить твоё имя из рода Корвалей. Ты добровольно откажешься от прав на мой дом, земли, доходы и положение при дворе. Взамен я не стану требовать возмещения расходов, понесённых нашей семьёй за восемь лет брака.

Элиара всмотрелась в движущиеся строки.

— Каких именно расходов?

На этот раз смех прозвучал громче.

Женщина в зелёном платье, стоявшая в первом ряду, прикрыла улыбку веером. Рядом с ней пожилой мужчина пробормотал, что леди Корваль решила напоследок устроить торговлю.

Элиара не отвела взгляда от Дайрэна.

— Ты прекрасно знаешь, о чём идёт речь, — ответил он.

— Нет, не знаю. Поэтому прошу перечислить.

Его лицо изменилось лишь на мгновение, однако этого хватило, чтобы Элиара поняла: точного перечня у него не было.

— Содержание твоего дома, слуг, экипажей, платьев, приёмов и поездок, — произнёс Дайрэн. — Корвали обеспечивали тебя всем необходимым.

— Эти расходы указаны в брачном соглашении как долг?

Дайрэн посмотрел на арбитра.

— Она затягивает церемонию.

— Пока прозвучал только первый колокол, — ответил Кайрвен Торнель. — Закон позволяет госпоже Вельнор задавать вопросы до второго.

Имя арбитра тоже появилось в памяти Элиары само собой, но за ним не последовало ни одного воспоминания. Прежняя хозяйка тела либо почти не общалась с Кайрвеном, либо старательно избегала всего, что было связано с королевскими судами.

Дайрэн перевёл взгляд на Элиару.

— Нет, содержание супруги не записывается как долг. Это обязанность главы рода.

— Значит, вы не отказываетесь от требования возместить долг, потому что долга не существует. Вы обещаете не предъявлять мне требование, на которое изначально не имеете права.

Несколько человек в зале перестали улыбаться.

Дайрэн сделал шаг к ней. Между ними оставалось полотно, но Элиара всё равно ощутила давление его присутствия. Чужая память подсказывала, что раньше одного такого взгляда хватало, чтобы хозяйка тела начинала оправдываться.

Элиара оправдываться не собиралась.

— Не превращай это в представление, — тихо сказал он.

— Представление устроили не я. На него пригласили половину двора.

Она обвела взглядом зал.

Публики было не меньше двух сотен человек. Придворные заполнили ряды скамей, галереи и даже широкие лестницы у дальней стены. Среди них выделялись мужчины и женщины с чешуйчатыми узорами на висках, шее или кистях рук. Драконы, поняла Элиара, и это знание оказалось настолько естественным для тела, что почти не удивило её.

Почти.

Второй колокол пока молчал, но служитель у стены уже поднял верёвку.

— Госпожа Вельнор, — сказал Кайрвен, — если вы желаете заявить возражения против условий расторжения, назовите их сейчас.

Элиара опустила взгляд на ткань.

Она не знала местных законов. Не понимала значения половины символов. Не представляла, какие права имела женщина, имя которой собирались вырезать из брачного полотна.

Однако договоры в любом мире строились на одном и том же основании. Кто-то что-то получал, кто-то что-то отдавал, а каждая сторона старалась спрятать наиболее выгодное условие среди слов, которые казались привычными и безобидными.

На полотне её имя тускнело.

Ниже светились строки, и прочитать их оказалось проще, чем она ожидала. Буквы складывались в понятные слова, будто это тело помнило язык без её участия.

«После прекращения брачной клятвы супруг Дайрэн Корваль освобождается от обязанности обеспечивать Элиару Вельнор жильём, содержанием и защитой рода».

Следующая строка гласила:

«Элиара Вельнор сохраняет обязанность не разглашать сведения, полученные в доме Корвалей, не оспаривать решения главы рода и не причинять ущерба его владениям, доходам и положению».

Ещё ниже светилась новая формулировка:

«Все приобретения, созданные трудом, именем или средствами Элиары Вельнор во время брака, признаются собственностью рода Корвалей».

Элиара перечитала её дважды.

— Почему после расторжения брака мои обязанности сохраняются? — спросила она.

Дайрэн ответил не сразу.

— Потому что сведения, доверенные тебе как моей супруге, не перестанут быть опасными после развода.

— Я спрашиваю не только о тайнах. Почему я обязана не оспаривать ваши будущие решения?

— Потому что они могут касаться рода, к которому ты больше не будешь принадлежать.

— Если я не принадлежу к роду, на каком основании решения его главы могут создавать для меня обязанности?

Дайрэн посмотрел на полотно, словно только теперь заметил эту строку.

— Это обычная формулировка.

— Обычная формулировка не становится справедливой только потому, что её использовали много раз.

В зале снова зашептались, но теперь Элиара различала в голосах не насмешку, а любопытство.

Она наклонилась ближе к полотну. Серебряные нити мягко светились, однако возле изображения круглого здания с шестью окнами одна из них пульсировала ярче остальных. Она отходила от имени Элиары, пересекала границу владений Корвалей и соединялась с символом золотого ключа.

— Что это за здание? — спросила она.

Кайрвен проследил за её взглядом.

— Судя по знаку, мастерская Северного двора.

Чужая память отзывалась образом просторного помещения с высокими окнами, длинными столами и женщинами, склонившимися над серебряными рамами. Элиара не могла понять, что именно там создавали, но знала другое: это место принадлежало ей до свадьбы.

— Мастерская была моей?

— До заключения брака, — ответил Дайрэн. — После она вошла в имущество рода.

— На каком основании?

— Ты передала её добровольно.

— Тогда в полотне должна быть отдельная нить передачи.

Женщина с ножницами впервые подняла голову. Её пальцы сильнее сжали рукоятки, а взгляд быстро скользнул к арбитру.

Элиара это заметила.

Кайрвен тоже.

Он вышел из-за стола и приблизился к полотну. Придворные расступились, когда цепь на его плечах тихо звякнула. Остановившись рядом с Элиарой, он не коснулся ткани, а внимательно изучил переплетение нитей.

От него исходило спокойное тепло, странное для человека с таким холодным выражением лица. На запястье, выступившем из-под рукава, на мгновение блеснула серебристая чешуя.

— Нить передачи должна соединять знак личного владения с печатью нового рода, — произнёс Кайрвен. — Здесь её нет.

— Потому что полотно обновляли после свадьбы, — сказал Дайрэн. — Старые нити могли заменить.

— Основные имущественные переходы не заменяют, — возразил арбитр.

Дайрэн нахмурился.

— Вы сомневаетесь в законности моего владения?

— Я проверяю возражение вашей супруги.

— Бывшей супруги.

— Второй колокол ещё не прозвучал.

Служитель у стены поспешно опустил верёвку, которую уже собирался потянуть.

Элиара посмотрела на женщину с ножницами.

— Вы должны перерезать все нити, связанные с моим именем?

— Все нити прав, — ответила та после короткой паузы. — Нити обязанностей остаются в полотне рода.

— Значит, после развода я лишюсь всего, что могу требовать от Дайрэна, но он сохраняет всё, что может требовать от меня?

Женщина побледнела и опустила глаза.

Ответа не требовалось.

Элиара медленно выпрямилась. В прежней жизни она видела договоры, составленные в пользу более богатой стороны. Встречала соглашения, где один супруг пытался оставить другому долги, забрав имущество. Слышала уверения, что унижительное условие является обычной практикой и потому не подлежит обсуждению.

Но даже самые жадные из её прежних оппонентов старались скрыть несправедливость за сложными формулировками.

Здесь её вышили серебром и повесили перед всем двором.

— Я не принимаю условия, — сказала Элиара.

Женщина в зелёном платье перестала обмахиваться веером.

Дайрэн прищурился.

— Твоего согласия не требуется. Дракон имеет право расторгнуть бесплодный брак, если супруга за восемь лет не принесла роду наследника и не проявила способностей, полезных для его положения.

Чужая боль снова поднялась внутри, но теперь Элиара была к ней готова. Она позволила ей пройти, не пытаясь ни подавить, ни принять за свою.

Восемь лет ожиданий. Восемь лет упреков. Восемь лет попыток заслужить право оставаться рядом с человеком, который заранее решил, что её ценность измеряется только пользой для его рода.

— Лорд Корваль, — произнесла она, — вы обвиняете меня в бесполезности перед свидетелями?

— Я называю причину развода.

— Тогда назовите её полностью.

Дайрэн усмехнулся.

— Ты не дала мне наследника. Не усилила мой род магическим даром. Не приобрела влияния при дворе. Не сумела даже управлять собственной мастерской, пока я не передал её людям, способным приносить прибыль. Все восемь лет ты пользовалась моим именем, не дав ничего взамен.

В зале стало так тихо, что Элиара слышала шелест нитей.

Ей потребовалось усилие, чтобы не ответить сразу. Не потому, что она растерялась, а потому, что слишком хорошо знала цену словам, произнесённым в гневе. Чем публичнее спор, тем опаснее позволять противнику выбирать его правила.

Дайрэн хотел видеть обиженную жену. Женщину, которая станет доказывать свою преданность, перечислять достоинства и умолять не отнимать положение.

Элиара собиралась говорить только о том, что можно проверить.

— Вы утверждаете, что мастерская не приносила прибыли под моим управлением?

— Это известно всем.

— Где отчёты?

— Они находятся у управляющего.

— Представлены ли они арбитрам?

Дайрэн перевёл взгляд на Кайрвена.

Тот вернулся к столу и перелистнул несколько страниц лежавшей перед ним книги.

— К делу приложена общая ведомость расходов рода Корвалей, — сообщил он. — Отдельных записей мастерской нет.

— Потому что они не имеют отношения к разводу, — сказал Дайрэн.

— Вы сами использовали состояние мастерской как доказательство моей бесполезности, — возразила Элиара. — Теперь оно имеет отношение к разводу.

В первом ряду кто-то тихо произнёс: «Разумно».

Дайрэн услышал и резко посмотрел в сторону зрителей. Шёпот прекратился.

— Ты всегда избегала дел рода, — сказал он. — Не пытайся теперь изображать знатока.

Элиара снова ощутила отголосок чужого воспоминания.

Длинный стол. Несколько свитков. Дайрэн, не поднимающий глаз от письма.

«Оставь это тем, кто понимает».

Другая комната. Управляющий закрывает книгу.

«Лорд Корваль запретил выдавать вам счета».

Ещё одна сцена, почти стёртая: прежняя Элиара стоит у двери мастерской, а стражник не позволяет ей войти в здание, которое когда-то принадлежало её семье.

— Я избегала дел рода или меня к ним не допускали? — спросила она.

— Это одно и то же, если результатом стала твоя полная бесполезность.

Кайрвен поднял ладонь, останавливая спор.

— Причины личного характера не меняют установленного порядка. Лорд Корваль воспользовался правом расторжения брака. Госпожа Вельнор может оспаривать имущественные условия отдельно, если после церемонии получит право выступать в суде.

— Если получит? — переспросила Элиара.

Арбитр посмотрел на неё без смущения.

— После исключения из рода вы вернётесь к прежнему имени, однако ваш род прекратился после смерти отца. Женщина без действующего родового покровительства не может самостоятельно подавать требования в Палату Семи Крыльев. Вам понадобится поручитель.

— Кто может им стать?

— Глава признанного рода.

Насмешливые улыбки вернулись на лица придворных.

Теперь Элиара поняла, зачем Дайрэн устроил публичную церемонию. Он не просто расторгал брак. Он заранее показывал каждому возможному поручителю, насколько опасно связываться с отвергнутой супругой Корваля.

Через несколько минут её имя вырежут из полотна. После этого мастерская останется у Дайрэна, обязанности сохранятся, а право оспорить условия будет зависеть от милости людей, пришедших посмотреть на её унижение.

Хорошая ловушка.

Почти безупречная.

— Значит, сначала закон лишает меня права, а потом требует покровительства человека, чтобы я могла пожаловаться на это лишение?

— Закон защищает устойчивость родов, — ответил Кайрвен.

— За счёт тех, кого из рода исключили?

В его серых глазах появилось недовольство, однако голос остался спокойным.

— Я не обсуждаю справедливость установлений во время церемонии. Я применяю их.

— Даже когда условия противоречат друг другу?

— Противоречие ещё не доказано.

Элиара посмотрела на семь колоколов.

Они висели под потолком полукругом. Первый уже раскачивался, постепенно затихая. Остальные оставались неподвижными. На каждом были вырезаны знаки, похожие на крылья, замки и переплетённые линии.

Тело узнавало их, хотя разум не понимал значения.

Первый колокол объявлял требование.

Второй подтверждал право супруга.

Третий...

Элиара прикрыла глаза, пытаясь удержать едва заметное воспоминание. Прежняя хозяйка тела стояла в маленькой комнате и читала старую книгу. Страницы были пожелтевшими, а поля исписаны рукой её отца. Элиара видела строку, но слова расплывались. Она вспомнила только рисунок колокола и фразу, повторённую шёпотом.

Не просить милости.

Потребовать время.

Воспоминание исчезло, оставив после себя название.

Право третьего колокола.

Элиара открыла глаза.

— Что происходит перед третьим ударом?

Кайрвен не ответил сразу.

Дайрэн побледнел едва заметно, и этого оказалось достаточно.

— Ничего, что могло бы изменить решение, — произнёс он.

— Я спрашивала арбитра.

Кайрвен медленно закрыл книгу.

— После второго колокола условия расторжения признаются услышанными обеими сторонами. Перед третьим супруг, лишаемый имени рода, может заявить о нарушении первоначальной клятвы.

— И что происходит после такого заявления?

— Если названа конкретная нить, противоречащая изначальному соглашению, церемония приостанавливается.

По залу прокатился шум.

Дайрэн шагнул к столу.

— Это правило не применяется уже больше ста лет.

— Его отменили? — спросила Элиара.

Он сжал челюсть.

Ответ снова оказался очевиден.

Кайрвен смотрел на неё внимательнее, чем прежде.

— Право третьего колокола не отменено, — сказал он. — Однако простого несогласия недостаточно. Вы должны назвать нить, которая была изменена, и объяснить, какое положение первоначальной клятвы она нарушает. Ложное заявление будет признано оскорблением Палаты.

— Какое наказание предусмотрено?

— Лишение права выступать в судах столицы на десять лет.

Среди зрителей кто-то тихо присвистнул.

Дайрэн снова обрёл уверенность.

— У неё нет доказательств. Она даже не помнит текста нашей клятвы.

Он оказался прав.

Элиара не помнила.

Чужие воспоминания приходили обрывками и только тогда, когда что-то их вызывало. Она не могла рассчитывать, что нужные слова появятся по желанию. Перед ней находилось полотно, но первоначальный текст уже менялся. Нити её прав тускнели, строки обязанностей оставались яркими, а символ мастерской был соединён с именем Дайрэна без указания передачи.

Этого могло хватить для вопроса.

Для обвинения требовалось больше.

Служитель у стены взялся за верёвку второго колокола.

— Госпожа Вельнор, — предупредил Кайрвен, — время возражений заканчивается.

Элиара посмотрела на полотно так, как привыкла смотреть на договор перед последним заседанием: не пытаясь прочитать каждое слово, а выискивая повторяющуюся конструкцию.

Имя Дайрэна встречалось в тексте девятнадцать раз.

Её имя — двадцать семь.

Почти в каждой строке, где речь шла о её обязанностях, присутствовал знак золотого пламени. Тот же знак был вышит в центре полотна между их именами. Вероятно, он обозначал брачную клятву или силу, скреплявшую договор.

В строках о правах Дайрэна стоял другой знак — раскрытое крыло.

Элиара проследила за нитями.

После развода золотое пламя возле имени Дайрэна гасло. Он освобождался от клятвы.

Возле имени Элиары оно продолжало гореть.

Вот оно.

Не отдельная несправедливая строка. Не спор о мастерской. Основа всего соглашения.

— Подождите, — сказала она.

Служитель замер.

Элиара указала на центр полотна.

— Что означает золотое пламя?

— Добровольную брачную клятву, — ответил Кайрвен.

— Она создаёт обязанности для обоих супругов?

— Да.

— После развода клятва прекращается?

— Да.

— Тогда почему возле имени Дайрэна пламя гаснет, а возле моего остаётся?

Кайрвен нахмурился.

Он снова подошёл к полотну, теперь уже быстрее. Женщина с ножницами отступила, освобождая ему место.

Арбитр долго рассматривал переплетение, затем поднял руку. Серебристый свет скользнул по его пальцам, но он остановился, не касаясь ткани.

— Лорд Корваль, — произнёс Кайрвен, — кто готовил окончательный узор?

— Хранители брачных реестров.

— По чьему распоряжению сохранены обязательства госпожи Вельнор?

— По установленному образцу.

— Я спрашиваю не об образце, а о распоряжении.

Дайрэн посмотрел на Элиару. В его глазах больше не было снисходительности.

— Некоторые обязательства не могут исчезнуть вместе с браком, — сказал он. — Иначе бывшая супруга сможет использовать знания против рода.

— Тогда они должны быть закреплены отдельным соглашением, — заметил Кайрвен. — Не брачной клятвой, которая прекращается для одной стороны.

— Вы собираетесь отменить развод из-за изображения пламени?

— Я пока ничего не отменяю.

— Тогда завершите церемонию.

Кайрвен повернулся к нему.

— Решение о порядке церемонии принимает арбитр.

Второй колокол ещё не прозвучал. Зал ждал.

Элиара понимала, что у неё появилась возможность, но пока не право. Кайрвен заметил несоответствие, однако мог признать его технической ошибкой и велеть исправить нить на месте. Тогда развод продолжится, а мастерская и все остальные права останутся у Дайрэна.

Ей требовалось связать ошибку с первоначальной клятвой.

— При заключении брака я передавала Дайрэну право распоряжаться моим имуществом? — спросила она.

— Да, — ответил он прежде, чем Кайрвен успел открыть рот.

— На время брака или навсегда?

— Ты вошла в мой род. Отдельного имущества у тебя больше не было.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который ты получишь.

Элиара посмотрела на изображение мастерской. Золотой ключ рядом с ним светился, но тонкая нить от ключа шла не к раскрытому крылу рода Корвалей, а к тому самому пламени брачной клятвы.

Право Дайрэна распоряжаться мастерской возникло из брака.

Если брак прекращался, основание должно было исчезнуть.

Однако нить не гасла.

— Право на мастерскую связано с клятвой, — сказала Элиара. — Оно не передано роду отдельной нитью и не закреплено бессрочно. После прекращения клятвы мастерская должна вернуться ко мне.

— Нет, — резко ответил Дайрэн.

— Тогда покажите нить, на основании которой она остаётся у вас.

Он молчал.

Элиара повернулась к Кайрвену.

— Сейчас из полотна вырезают мои права, возникшие из брака, но оставляют Дайрэну имущество, которое он получил из той же клятвы. Одновременно на мне сохраняют обязанности, хотя для него клятва прекращается. Это не расторжение соглашения. Это передача одной стороне всех выгод и всех полномочий по выбору того, какие условия считать действующими.

— Ты не имеешь права толковать закон, — произнёс Дайрэн.

— Зато имею право прочесть то, что написано передо мной.

Служитель у второго колокола смотрел на арбитра, ожидая приказа.

Кайрвен не отдавал его.

— Госпожа Вельнор, — сказал он, — вы намерены заявить нарушение первоначальной клятвы?

Элиара ощутила, как сотни взглядов сосредоточились на ней.

Она не знала, что произойдёт после заявления. Не могла быть уверена, что правильно поняла местные правила. Возможно, через минуту Кайрвен потребует доказательство, которого у неё нет. Возможно, Дайрэн представит документ, объясняющий каждую нить.

Однако согласиться означало проиграть ещё до начала спора.

Элиара посмотрела на человека, который восемь лет убеждал прежнюю хозяйку тела в её бесполезности, а теперь рассчитывал забрать всё, включая возможность возразить.

— Намерена.

Дайрэн отступил от полотна.

— Подумай, что делаешь.

— Впервые за долгое время я именно этим и занимаюсь.

В его взгляде появилось недоверие. Он словно пытался найти в её лице знакомую женщину и не понимал, почему та перестала бояться.

Элиара обратилась к арбитру:

— Как должна звучать формула?

Кайрвен медлил.

Вероятно, закон не запрещал ему ответить, но весь порядок церемонии был устроен так, чтобы отвергнутая жена не успела узнать о своих возможностях. Сначала публичное обвинение, затем два быстрых колокола, после которых условия признавались услышанными. Несколько минут на решение, способное определить всю дальнейшую жизнь.

— Назовите себя, — сказал он наконец. — Укажите нарушенную нить и потребуйте третьего звона до завершения второго.

Дайрэн резко повернулся к нему.

— Вы помогаете ей.

— Я разъясняю порядок, который обязан соблюдать.

— Она намеренно затягивает развод.

— Тогда вам будет нетрудно опровергнуть её заявление.

Слова прозвучали спокойно, но Дайрэн отреагировал так, словно получил удар по самолюбию. На его виске проступило больше бронзовых чешуек.

Элиара перевела взгляд на колокола.

Служитель всё ещё держал верёвку. Его пальцы побелели от напряжения.

Она назвала себя полным именем, и зал будто стал просторнее от одного только звука.

— Я, Элиара Вельнор, заявляю, что нить владения мастерской Северного двора и нити моих обязательств изменены вопреки первоначальной брачной клятве. Я требую права третьего колокола до завершения расторжения.

Ничего не произошло.

Несколько мгновений полотно оставалось неподвижным. Затем служитель второго колокола отпустил верёвку, хотя не успел ударить.

Третий колокол зазвонил сам.

Его голос отличался от первого. Он был ниже, глубже и не расходился по залу, а будто проходил сквозь камень, ткань и людей. Светящиеся строки на Полотне Клятвы погасли. Женщина в сером выронила ножницы, но они не упали на пол, зависнув в нескольких вершках от него.

Серебряные нити натянулись.

Имя Элиары, уже почти исчезнувшее из верхней части полотна, вспыхнуло золотым светом.

По залу прокатился крик.

Кто-то вскочил со скамьи. На галереях задвигались придворные. У дальней стены распахнулась боковая дверь, и в зал поспешили несколько мужчин в чёрных мантиях.

Дайрэн смотрел на полотно с таким выражением, будто оно предало его.

Золотой свет разошёлся от имени Элиары по нитям. На мгновение ярко вспыхнула мастерская Северного двора, затем старый дом с башней, участок земли возле реки и несколько незнакомых символов. Все они были связаны с ней.

Не с родом Корвалей.

Не с Дайрэном.

С ней.

Однако уже через несколько ударов сердца свет начал меркнуть. Имя осталось на полотне, но стало серебряным.

Кайрвен первым пришёл в движение. Он снял с пояса тонкий металлический жезл и коснулся им края ткани. Полотно дрогнуло, после чего свернулось само собой, скрывая строки и изображения внутри.

— Церемония приостановлена, — объявил арбитр.

— На каком основании? — потребовал Дайрэн.

— Полотно признало наличие спорных нитей.

— Оно отозвалось на формулу, а не подтвердило её правоту.

— Именно поэтому я сказал «приостановлена», а не «отменена».

Мужчины в чёрных мантиях окружили свёрнутое полотно. Один из них поднял зависшие ножницы и спрятал их в деревянный футляр.

Кайрвен вернулся к столу и ударил одним из молоточков по серебряной пластине.

— До проверки первоначальной клятвы госпожа Элиара Вельнор сохраняет имя, положение супруги и все права, действовавшие до начала церемонии. Ни одна сторона не может отчуждать спорное имущество, изменять записи реестра или препятствовать сбору доказательств.

Дайрэн подошёл к столу.

— Сколько продлится эта проверка?

Кайрвен раскрыл металлическую книгу на странице с изображением третьего колокола.

— Заявившей стороне предоставляется тридцать дней.

— Вы дадите ей месяц на то, чтобы позорить мой род?

— Я дам ей срок, предусмотренный законом.

— А если она не докажет нарушение?

— Развод будет завершён на первоначальных условиях. Госпожа Вельнор лишится права выступать в судах столицы на десять лет и возместит расходы на проверку реестров.

Дайрэн медленно повернулся к Элиаре.

Она поняла, что последняя часть правила была для него важнее всего.

Тридцать дней. Не так много для человека, который не знал города, не понимал местного законодательства и не имел доступа к документам собственного брака. Чтобы доказать нарушение, ей придётся выяснить содержание первоначальной клятвы, найти записи о мастерской и понять, кто изменил полотно.

Дайрэн наверняка контролировал большую часть нужных бумаг.

— Где хранится первоначальная клятва? — спросила Элиара.

— Один список находится в брачном архиве рода Корвалей, — ответил Кайрвен. — Второй должен храниться в Палате реестров. Третий передавался вашему родному дому.

Дом Вельноров прекратился после смерти её отца. Если прежняя Элиара сохранила семейный список, он мог находиться где угодно.

— Я получу доступ к архиву Корвалей?

Дайрэн усмехнулся прежде, чем арбитр ответил.

— Только в присутствии назначенного хранителя, — сказал Кайрвен. — Лорд Корваль обязан предоставить вам возможность изучить документы, относящиеся к спорному соглашению.

— Разумеется, — произнёс Дайрэн. — Я никогда не препятствовал законным требованиям супруги.

Чужая память отозвалась закрытой дверью мастерской.

Элиара посмотрела ему в глаза.

— Тогда мы оба можем не беспокоиться.

На лице Дайрэна появилась улыбка, предназначенная для окружающих. Он склонился к её руке, изображая безупречного мужа, но не коснулся пальцев.

— Ты всегда плохо понимала, когда следует остановиться, — сказал он достаточно громко, чтобы ближайшие зрители услышали.

— До сегодняшнего дня я, вероятно, останавливалась слишком рано.

Несколько человек в первом ряду отвернулись, скрывая улыбки.

Это было маленькой победой, почти ничего не значившей по сравнению с тем, что ожидало её дальше. Однако Дайрэн заметил реакцию зала. Его лицо осталось спокойным, а взгляд потемнел.

Кайрвен продолжал зачитывать условия.

— До окончания срока супруги могут проживать отдельно. Госпожа Вельнор вправе вернуться в собственный городской дом, если предъявит запись о владении. Лорд Корваль обязан обеспечить сохранность её личных вещей и доступ к ним.

— У меня есть городской дом? — спросила Элиара.

Кайрвен посмотрел в книгу.

— Дом Вельноров на улице Старых Мостов. Согласно реестру, он не был передан Корвалям.

— Здание заброшено, — сказал Дайрэн. — Там невозможно жить.

— Тогда мне будет проще убедиться, что вы не успели присвоить и его.

По залу прошёл сдержанный шум.

Элиара уже понимала, что совершает ошибку, позволяя раздражению говорить за неё. Насмешка приносила краткое удовлетворение, но не давала доказательств. Дайрэн привык управлять мнением двора и наверняка использует каждую её резкую реплику, чтобы представить происходящее истеричной мстостью отвергнутой жены.

Она заставила себя замолчать.

Кайрвен закрыл книгу.

— Первое слушание состоится через семь дней. К этому сроку стороны представят списки документов и свидетелей. Госпожа Вельнор должна указать, какие именно положения первоначальной клятвы были изменены. Общего заявления о несправедливости недостаточно.

— Я поняла.

— Советую вам найти поручителя или признанного защитника. Право третьего колокола позволяет подать заявление лично, но не отменяет правил последующего разбирательства.

— Вы только что сказали, что женщина без рода не может выступать в Палате.

— До завершения развода вы сохраняете положение леди Корваль.

Элиара посмотрела на Дайрэна.

— Значит, в суде против него я смогу выступать благодаря его имени?

— Формально это так.

— Закон становится интереснее с каждой минутой.

Кайрвен не улыбнулся.

— Ошибочно путать противоречивость с интересом, госпожа Вельнор. Через семь дней от вас потребуют доказательства, а не остроумие.

Слова были неприятными, но справедливыми.

— Я это запомню, арбитр Торнель.

Он задержал на ней взгляд, словно проверяя, не прозвучала ли в ответе насмешка. Затем подозвал писца и велел подготовить копию решения.

Придворные начали покидать места, однако расходиться не спешили. Они собирались небольшими группами, переглядывались и обсуждали произошедшее. Элиара различала обрывки фраз.

«Она никогда так не говорила».

«Корваль не ожидал».

«Третий колокол действительно существует».

«Мастерская Северного двора приносит половину дохода от серебряных рам».

Последняя фраза заставила Элиару насторожиться.

Половину дохода.

Дайрэн назвал мастерскую бесполезной, хотя она приносила значительную прибыль. Если это было правдой, причина развода могла оказаться тесно связана с имуществом.

Она попыталась рассмотреть говорившего, но люди уже смешались.

— Не стой посреди зала, — произнёс Дайрэн рядом.

Он взял её под локоть, и чужое тело мгновенно напряглось. Элиара высвободила руку прежде, чем успела подумать.

Дайрэн заметил движение.

— Боишься меня?

— Я не хочу, чтобы вы ко мне прикасались.

На этот раз она сказала это тихо, без расчёта на публику.

Его улыбка исчезла.

— Полчаса назад ты была готова унижаться, лишь бы я изменил решение.

Элиара не знала, что происходило до её появления. Возможно, прежняя хозяйка тела действительно умоляла. Возможно, именно отчаяние той женщины привело к странному перемещению, объяснения которому у Элиары пока не было.

Она не собиралась осуждать женщину, прожившую восемь лет рядом с Дайрэном.

— Полчаса назад закон ещё не дал мне возможности возразить, — ответила она.

— Ты думаешь, третий колокол сделал тебя сильнее?

— Он дал мне время.

— Время ничего не изменит.

— Тогда непонятно, почему вас это так тревожит.

Дайрэн наклонился ближе, сохраняя для окружающих видимость доверительного разговора супругов.

— Меня тревожит не твоё заявление, Элиара. Меня раздражает представление, которое ты устроила перед людьми, не понимая последствий.

— Вы пригласили их посмотреть, как меня лишают имени.

— Я хотел завершить всё по правилам.

— Тогда вам придётся соблюдать их до конца.

Он посмотрел на неё долго и внимательно. В его лице не было ни растерянности, ни сожаления. Только холодный расчёт человека, столкнувшегося с неожиданным препятствием и уже выбирающего способ его устранить.

— Ты изменилась, — произнёс он.

Элиара почувствовала опасность вопроса, скрытого в этих словах.

— Публичное унижение иногда помогает человеку внимательнее посмотреть на собственную жизнь.

— Оно никогда не делало тебя внимательнее прежде.

— Значит, сегодня вы особенно старались.

Дайрэн отвёл взгляд первым.

К ним подошёл писец с двумя свитками. Один он передал Дайрэну, второй — Элиаре. На печати был изображён третий колокол, окружённый серебряным пламенем.

— Решение арбитра, — сообщил писец. — Копия признаётся пропуском в архивы, указанные в тексте. Утрата документа не отменяет срок.

Элиара приняла свиток обеими руками.

— Благодарю.

— Госпожа Вельнор должна покинуть зал через западный выход, — добавил писец. — У восточного собралась толпа.

— Какая толпа?

Он замялся.

— Весть о третьем колоколе уже вышла за пределы дворца.

Прошло меньше четверти часа, но город, похоже, распространял новости быстрее любой официальной службы.

Дайрэн тихо рассмеялся.

— Наслаждайся вниманием. Оно редко бывает добрым.

Элиара направилась к западному выходу. Она не знала, где находится улица Старых Мостов, как добраться до заброшенного дома и остались ли у неё деньги. Парадное платье стесняло движения, на ногах были неудобные туфли, а свиток с решением арбитра оставался единственной вещью, которую она могла уверенно назвать своей.

Не слишком много для начала новой жизни.

Однако у неё было имя.

Тридцать дней назад — или, если судить по собственному ощущению времени, всего час назад — Элиара считала возможностью выиграть спор о доме в привычном мире.

Теперь спор касался её собственной свободы.

Она почти дошла до высокой двери, когда Дайрэн догнал её.

Он остановился так близко, что со стороны могло показаться, будто муж решил поддержать расстроенную супругу. Несколько придворных уже повернулись к ним, ожидая последней сцены.

Дайрэн улыбнулся им, а затем наклонился к Элиаре.

— Запомни одну вещь, — прошептал он. — Я не стану мешать тебе дожить до конца месяца.

Она повернула голову.

— Как великодушно.

— Ты неправильно поняла. До конца срока ты останешься жива, здорова и совершенно свободна ходить по городу. Только к первому слушанию ни один приличный дом не откроет перед тобой двери, ни один свидетель не согласится назвать твоё имя, а каждый человек, способный стать поручителем, будет уверен, что ты лживая, неблагодарная и опасная женщина.

Его голос оставался мягким.

— Через тридцать дней ты сама попросишь завершить развод на моих условиях. Не потому, что проиграешь спор, Элиара. Потому что в столице не останется никого, кто захочет услышать твою сторону.

Он выпрямился, коснулся пальцами края её рукава и громко произнёс:

— Береги себя.

После этого Дайрэн отошёл к ожидавшим его придворным.

Элиара смотрела ему вслед, пока вокруг него не сомкнулась толпа. Он уже отвечал на вопросы, уверенно улыбался и изображал человека, проявившего великодушие к неразумной супруге.

Его угроза была продумана лучше, чем условия развода.

Документы можно найти. Ошибку в договоре можно доказать. Свидетеля можно убедить говорить правду, если он боится только суда.

Но репутация строилась из чужих слов, и Дайрэн собирался сделать так, чтобы его слова прозвучали первыми.

Элиара крепче сжала свиток с печатью третьего колокола.

У неё оставалось тридцать дней, чтобы вернуть имущество, сохранить имя и научить столицу слушать женщину, которую заранее объявили виноватой.

Начать следовало с человека, который знал, почему прибыльную мастерскую называли бесполезной.

А затем Элиара собиралась выяснить, кто и когда решил, что после развода женщина обязана потерять всё, кроме обязательств перед бывшим мужем.

Глава 2. Дом, которого не существует

У западных ворот дворца Элиару ждал первый результат обещания Дайрэна: карета уехала без неё.

На широкой площадке теснились экипажи придворных, лакеи выкрикивали имена хозяев, кучера торопили лошадей, но знакомого герба Корвалей среди них не оказалось. Элиара задержалась под каменной аркой, надеясь, что память прежней хозяйки тела подскажет, где обычно ожидал семейный выезд, однако перед глазами возник лишь смутный образ чёрной кареты с бронзовыми крыльями на дверцах.

Парадное платье привлекало внимание сильнее, чем ей хотелось. Белая ткань, выбранная для церемонии развода, делала её заметной среди людей в дорожных плащах. Дворцовые слуги узнавали леди Корваль, переглядывались и тут же находили неотложные дела в противоположной стороне двора.

Весть о третьем колоколе действительно покинула зал раньше неё.

Элиара подошла к старшему привратнику, державшему под мышкой книгу выездов.

— Мне нужна карета до улицы Старых Мостов.

Он не поднял глаз.

— Свободных дворцовых экипажей нет, госпожа.

Вдоль стены стояли три пустые кареты без гербов. Возле одной кучер дремал на козлах, прикрыв лицо шляпой.

— Тогда подскажите, где можно нанять городской экипаж.

Привратник провёл пальцем по строкам книги, хотя явно ничего не читал.

— За южными воротами.

— Я нахожусь у западных.

— Верно, госпожа.

Элиара посмотрела на него внимательнее.

— Далеко идти до южных ворот?

— Вокруг внутреннего дворца.

— А если я пройду через галерею?

— Галерея предназначена для членов признанных родов и их сопровождающих.

Формально она всё ещё принадлежала к роду Корвалей. Решение арбитра подтверждало это, однако привратник либо не знал подробностей, либо уже решил, что через месяц её имя всё равно исчезнет.

Элиара достала свиток с печатью третьего колокола.

— До окончания разбирательства я сохраняю положение супруги лорда Корваля. Если вы отказываете мне в проходе, назовите своё имя и должность. Я попрошу арбитра Торнеля внести ваш отказ в материалы дела как первое препятствие сбору доказательств.

Привратник наконец посмотрел на неё.

Его лицо осталось бесстрастным, но книга под мышкой едва заметно сдвинулась.

— Я не отказываю вам в проходе, госпожа. Галерея открыта.

— Благодарю. Теперь мне нужна карета.

— Дворцовых экипажей действительно нет.

— А три кареты у стены принадлежат кому?

Он помолчал, выбирая между привычкой уклоняться и нежеланием быть упомянутым в судебном деле.

— Они предоставлены для служебных поездок Палаты Семи Крыльев.

— Мне предстоит собирать доказательства по решению этой Палаты.

Такого основания могло не хватить, но Элиара произнесла слова достаточно уверенно. В прежней жизни она не раз замечала, что служебные правила редко знали даже те, кто ссылался на них каждый день. Большинство запретов держалось не на тексте закона, а на ожидании, что человек не станет задавать следующий вопрос.

Привратник медленно закрыл книгу.

— Возница доставит вас до городской управы на Старых Мостах. Дальше карета должна вернуться.

— Этого достаточно.

Он подозвал кучера, что-то тихо ему сказал и отступил, позволяя Элиаре пройти. Когда она поднялась в карету, на ступеньке обнаружилась свежая царапина, похожая на след от снятой металлической пластины. Вероятно, герб Палаты убрали перед тем, как отдать ей экипаж. Кто-то не хотел, чтобы горожане решили, будто суд поддерживает отвергнутую жену Корваля.

Элиара села у окна и положила свиток на колени.

Карета тронулась. Дворцовые стены поплыли назад, уступая место широким проспектам столицы. После торжественного зала город казался почти обычным: торговцы открывали навесы над прилавками, ремесленники переносили ящики, женщины спорили о цене ткани, а мальчишки пробегали между экипажами, рискуя попасть под колёса.

Необычным оставалось другое.

Над крышами тянулись тонкие серебряные линии. Они соединяли башни, мосты и высокие каменные столбы, на вершинах которых были вырезаны переплетённые имена. Некоторые линии светились ярко, другие едва различались в утреннем небе. Элиара не понимала их назначения, но тело узнавало это зрелище как часть повседневной жизни.

Карета пересекла площадь с фонтаном в форме раскрытого крыла. У воды собралась толпа. Один мужчина стоял на бортике и размахивал листком, громко пересказывая события во дворце.

— Леди Корваль обвинила супруга в подделке брачной клятвы! Третий колокол отверг развод! Палата начала проверку рода!

— Колокол ничего не отвергал, — пробормотала Элиара.

Её поправка осталась внутри кареты.

Рядом с оратором другой человек продавал листы, на которых уже успели изобразить Дайрэна с благородно склонённой головой и Элиару, вцепившуюся в Полотно Клятвы. Художник наделил её растрёпанными волосами, безумным взглядом и такими длинными пальцами, что они напоминали когти.

Дайрэн не терял времени.

Даже если листы подготовили после церемонии, рисунок и печать требовали не менее нескольких часов. Значит, карикатуру создали заранее, ожидая слёз, истерики или иной сцены, которую можно было продать толпе под видом правды. Третий колокол изменил содержание сплетни, но не уничтожил заготовленную историю о неблагодарной жене.

Элиара отвернулась от окна.

До первого слушания оставалось семь дней. За это время ей требовалось найти первоначальную клятву, получить доступ к архиву Корвалей, разобраться с мастерской и найти человека, готового стать поручителем. Теперь к списку добавлялась ещё одна задача: не позволить чужой карикатуре стать единственным образом, по которому столица будет судить о ней.

Карета свернула с широкого проспекта в старую часть города. Здесь дома стояли теснее, верхние этажи почти соприкасались над улицей, а под колёсами вместо ровных плит появилась потемневшая брусчатка. Через несколько кварталов показались мосты, давшие району название. Их было четыре, хотя память подсказывала, что когда-то существовал и пятый. От него остались две каменные опоры, выступавшие из воды по обе стороны канала.

Городская управа занимала длинное здание возле первой арки. На фасаде висели сотни табличек с именами улиц и владельцев. Некоторые были новыми и блестящими, другие покрылись тёмным налётом. Посреди стены оставалось несколько пустых прямоугольников, будто что-то имена вырвали вместе с креплениями.

Кучер остановил карету.

— Дальше я не поеду, госпожа.

— Мне нужно попасть в дом Вельноров.

Он почесал подбородок и посмотрел вдоль улицы.

— Не слышал такого названия.

— Дом находится на улице Старых Мостов.

— На ней больше сотни зданий.

Элиара протянула ему копию решения, не выпуская свиток из рук. Кучер прочёл адрес и нахмурился.

— Башня должна быть за четвёртым мостом. Только там давно никто не живёт. Номера на воротах нет.

— Как я узнаю дом?

— Он единственный стоит между улицей и каналом, хотя по городским книгам на том месте пустой участок.

Элиара повернулась к нему.

— Вы знаете, что там есть здание, но говорите, что в книгах указан пустой участок?

— Я вожу карету, а не составляю книги. Глазам своим пока доверяю больше, чем писцам.

Он вернул свиток.

Элиара поблагодарила его и направилась к управе. Внутри было тесно и шумно. Люди стояли перед длинными стойками, предъявляли таблички владения, спорили из-за границ дворов и требовали исправить имена в списках. Над каждым окном висел символ: дом, мост, земельный участок, торговая вывеска или родовая печать.

Возле окна с изображением дома ожидало не менее двадцати человек.

Элиара заняла место в конце очереди. Она чувствовала на себе взгляды, но никто не заговорил с ней. Через несколько минут две женщины впереди зашептались, явно рассчитывая, что она услышит.

— Говорят, лорд Корваль содержал её восемь лет, а она решила отнять родовую мастерскую.

— Я слышала, что она потребовала половину всех владений.

— Такие женщины всегда вспоминают о справедливости, когда муж находит достойную супругу.

Элиара могла вмешаться, но не стала. Спорить с каждым слухом означало тратить время на людей, которые не собирались слушать ответ. Ей требовались документы, а не одобрение очереди.

Когда подошёл её черёд, за стойкой сидел худощавый чиновник с тщательно разделёнными на две части усами. Перед ним лежал городской реестр, состоявший из узких деревянных пластин, скреплённых кольцами. На каждой пластине светило несколько строк.

— Имя владельца и адрес, — произнёс он, не поднимая головы.

— Элиара Вельнор. Дом Вельноров на улице Старых Мостов, за четвёртой аркой.

Перо чиновника остановилось.

— Номера нет?

— Мне его не сообщили.

— Без номера владение не существует.

— Здание существует. Я собираюсь туда войти.

— Это не доказывает, что оно является зарегистрированным владением.

Элиара положила перед ним свиток Кайрвена.

— Арбитр Палаты Семи Крыльев указал этот дом как мою собственность.

Чиновник осмотрел печать и нехотя придвинул реестр. Он провёл металлическим стержнем по нескольким строкам, нашёл раздел Старых Мостов и начал перелистывать пластины.

— Вельнор, — повторил он. — Владение рода, прежний номер сто восемнадцать. Башня, жилой дом, внутренний двор, выход к каналу.

— Прежний номер?

Чиновник перелистнул ещё одну пластину.

— Запись закрыта.

— По какой причине?

— Владение исключено из городского реестра.

— Здание разрушено?

— Сведений о разрушении нет.

— Его передали другому владельцу?

— Записи о передаче нет.

— Землю изыали?

— Такого решения не указано.

Элиара опёрлась ладонью о край стойки.

— Тогда что означает исключение?

— Дом не обладает городским положением.

— Объясните понятнее.

Чиновник поднял глаза, и в них впервые появилось раздражение.

— У здания нет признанного адреса. К нему нельзя провести охранные линии, за ним не закрепляют уличных служителей, его невозможно продать, передать, заложить, перестроить или официально восстановить. На него нельзя установить табличку владельца. Письма и судебные извещения туда не доставляются.

— Но владельцем остаюсь я?

— В старой записи указано ваше имя.

— И всё же я не могу распоряжаться собственным домом?

— Вы можете находиться внутри, если здание не признано опасным для соседей. Для города этого дома не существует.

За спиной Элиары зашевелилась очередь. Кто-то недовольно попросил её не задерживать остальных.

— Когда запись закрыли? — спросила она.

Чиновник снова посмотрел в реестр.

— Шесть лет назад, в одиннадцатый день месяца Первых Ветров.

Элиара замерла.

Шесть лет назад она уже два года была женой Дайрэна. Развод начался сегодня, а дом исключили из реестра задолго до него.

— На основании чьего распоряжения?

— Здесь указан знак Палаты городских имён.

— Мне нужна копия.

— Закрытые записи не выдаются владельцам исключённых домов.

— Вы только что признали меня владельцем.

— В старой записи.

— Значит, запись существует и относится ко мне. На каком основании вы отказываете в копии?

Чиновник постучал пальцем по пластине.

— На основании городского порядка. Обжалование подаётся через главу рода.

— Главой моего рода считается Дайрэн Корваль?

— До завершения развода.

Ловушка становилась всё более очевидной. Дом принадлежал Элиаре, но получить документы о нём она могла только через мужчину, с которым судилась. Если развод завершится, она лишится родового покровительства и всё равно не сможет подать обжалование самостоятельно.

— Какое имя стоит под распоряжением? — спросила она.

— Полная отметка хранится в Палате городских имён.

— Тогда прочитайте хотя бы то, что указано здесь.

Чиновник прикрыл пластину ладонью.

— Я сообщил всё, что мог.

Элиара посмотрела на его пальцы. Под большим пальцем оставался виден край знака: три переплетённые нити внутри шестигранной рамки. Рядом светились две буквы, которые могли быть частью имени или должности.

Она не знала, имел ли чиновник право скрывать запись, и не могла сейчас доказать обратное. Угроза жалобой сработала во дворце, но повторять один приём всякий раз было опасно. Рано или поздно она столкнётся с человеком, который действительно знал закон лучше неё.

— Назовите вашу должность и имя, — попросила Элиара.

Чиновник насторожился.

— Для чего?

— Я составляю список препятствий сбору доказательств. Арбитр Торнель велел представить его через семь дней.

Это было преувеличением, но не прямой ложью. Кайрвен действительно потребовал доказательства, а отказ выдать документ относился к обстоятельствам дела.

— Старший писец городских владений Левраст Мерн, — ответил он после паузы. — Можете записывать.

Записывать было нечем. Элиара повторила имя про себя несколько раз.

— Я запомню.

Левраст Мерн усмехнулся.

— К первому слушанию вы забудете половину того, что слышали сегодня.

— Возможно. Поэтому в следующий раз я приду не одна.

Она забрала свиток и отошла от стойки.

На улице стало теплее. Солнце поднялось над крышами, и серебряные линии между башнями потускнели. Элиара направилась к четвёртому мосту, отсчитывая арки. Путь занял почти четверть часа. Белое платье цеплялось за неровные камни, туфли скользили на мокрой брусчатке, а прохожие оборачивались ей вслед.

После четвёртого моста дома расступились.

Улица шла вдоль канала, затем резко поворачивала крынку. Между поворотом и водой оставался узкий участок, заросший кустами. За ржавой оградой возвышался трёхэтажный дом с круглой башней.

Кучер не ошибся: здание существовало.

Просто город старательно делал вид, что его нет.

Каменные стены потемнели от времени, часть черепицы осыпалась, одно окно на верхнем этаже было заколочено досками. Над воротами сохранилась светлая полоса там, где раньше висела табличка с номером. Саму табличку сняли вместе с креплениями.

Элиара толкнула калитку. Петли протяжно скрипнули, и с внутренней стороны двора сорвалась стая мелких птиц. Дорожка почти исчезла под травой. Слева находился пустой фонтан, справа — длинная хозяйственная постройка с провалившейся дверью.

При виде башни в сознании Элиары отозвалось воспоминание.

Она была девочкой и сидела на широком подоконнике. Рядом мужчина с седыми висками выводил пальцем узор на запотевшем стекле. Лица она не различала, но знала, что это отец прежней хозяйки тела.

«Дом существует, пока в нём помнят своё имя».

Фраза пришла ясно, а затем исчезла вместе с образом.

Элиара поднялась по ступеням. Главная дверь была заперта, но нижняя часть рамы рассохлась, а замок держался на одном винте. Она несколько раз надавила плечом. Дерево поддалось не сразу, затем створка открылась с сухим треском.

Внутри пахло пылью, сырой древесиной и давно закрытыми комнатами. Свет проникал через высокие окна, открывая пустой вестибюль, лестницу с резными перилами и потемневший герб Вельноров на стене. Герб изображал золотой ключ поверх раскрытой книги.

Тот же ключ она видела на Полотне Клятвы возле мастерской Северного двора.

Элиара вошла глубже.

Под ногами хрустели обломки стекла. На полу лежала перевёрнутая рама, из которой вырезали картину. Дверцы встроенного шкафа были открыты, ящики выдвинуты. Дом не просто оставили без присмотра. Кто-то методично его обыскал.

Из комнаты справа донёсся шум.

Элиара остановилась.

У неё не было ни оружия, ни понимания того, кто мог находиться в заброшенном доме. Воспоминание о дворцовых служителях, отказавшихся даже вызвать карету, подсказывало, что рассчитывать на быструю помощь не приходилось.

Она подняла с пола обломок деревянной рамы. В качестве защиты он выглядел сомнительно, но оставаться с пустыми руками было ещё хуже.

Шум повторился. Затем кто-то с силой чихнул и раздражённо пробормотал:

— Когда-нибудь этот дом окончательно рухнет, и тогда городские писцы объявят, что никакого шума не слышали.

Голос принадлежал женщине.

Элиара приблизилась к двери и заглянула внутрь.

В комнате стояла незнакомка лет тридцати пяти. Простое тёмно-синее платье было покрыто пылью, каштановые волосы выбились из узла, а в руках она держала толстую папку, перевязанную бечёвкой. Перед ней находился раскрытый шкаф, забитый пустыми коробками.

Женщина заметила Элиару и прижала папку к груди.

— Вы всё-таки пришли.

Элиара не опустила обломок рамы.

— Мы знакомы?

В глазах незнакомки появилось разочарование.

— Вы сказали, что запомните меня.

Чужая память не отзывалась. Элиара видела эту женщину впервые или прежняя хозяйка тела встречалась с ней слишком недолго, чтобы оставить заметный след.

— Назовите своё имя.

— Мейриса Таллен.

Она произнесла фамилию с особым нажимом, будто ожидала, что именно она всё объяснит.

Элиара продолжала молчать.

Мейриса медленно опустила папку.

— Значит, вы действительно не помните.

— Что именно я должна помнить?

— Наш разговор у мастерской Северного двора. Это было четыре месяца назад. Я пыталась передать вам письмо, но стража не позволила подойти. Тогда вы вышли к карете и велели мне прийти в дом Вельноров, если однажды вам удастся сюда вернуться.

Элиара опустила деревянный обломок, хотя не выпустила его из руки.

— Почему вы решили прийти сегодня?

— Потому что третий колокол слышал весь город. Если вы выступили против лорда Корваля, значит, вам удалось вернуться.

Мейриса сказала это без улыбки. Она не выглядела ни восхищённой, ни испуганной. В её голосе звучала усталость человека, который слишком долго ждал обещанного разговора и теперь сомневался, что тот принесёт пользу.

— Как вы вошли?

— Через заднюю дверь. Она не запирается уже два года.

— Вы часто бываете здесь?

— Приходила трижды. Первый раз после вашего обещания, второй — когда поняла, что вы не появитесь, третий — сегодня.

Элиара прислонила обломок рамы к стене.

— Что находится в папке?

Мейриса провела ладонью по бечёвке.

— Всё, что осталось от моей мастерской.

Она положила папку на стол и развязала узел. Внутри находились счета, договоры, списки работников и несколько узких тканевых полос с печатями. Документы были разложены по датам, а на краях стояли маленькие аккуратные пометки.

— Я открыла мастерскую мерных рам одиннадцать лет назад, — сказала Мейриса. — Мы изготавливали рамы для ткацких станков и счётные доски для торговых домов. Я нашла помещение, наняла мастеров, заключала договоры и вела записи. Через два года вышла замуж за Арвена Таллена, помощника королевского казначея.

— После свадьбы мастерская вошла в имущество его рода?

— Не должна была. В брачной клятве указано, что она остаётся моим личным владением. Арвен получил право распоряжаться доходом на время брака, потому что убедил меня, будто так будет проще заключать городские договоры.

Элиара перелистнула бумаги. Она пока плохо разбиралась в местных печатях, но числа и повторяющиеся имена были понятны. Мастерская приносила устойчивую прибыль. После вступления Мейрисы в брак выручка выросла, затем в записях сменилось имя получателя.

— Почему вы развелись?

— Арвен решил, что жена владельца мастерской недостаточно подходит человеку, которого собирались сделать казначеем округа. Ему требовалась дочь знатного драконьего рода.

Мейриса произнесла это спокойно, но пальцы, лежавшие на краю стола, сжались.

— Он забрал мастерскую?

— На церемонии сказали, что она стала частью общего имущества, потому что в годы брака расширилась за счёт семейных средств. Я потребовала показать расходы. Арвен заявил, что счета находятся в казначействе и не подлежат разглашению.

— Вы обращались в суд?

— После развода моё имя исключили из рода Талленов. Собственный род отказался принять меня обратно, потому что отец умер, а старший брат не пожелал связываться с казначеем. Без поручителя заявление не приняли.

История почти повторяла ловушку Элиары. Отличались названия, должности и суммы, но основание оставалось тем же: женщина могла владеть имуществом до брака, управлять им годами, а затем теряла право даже задать вопрос о его судьбе.

— Почему вы искали меня? — спросила Элиара.

Мейриса отвела взгляд к окну.

— Потому что мастерская Северного двора начала покупать у Арвена рамы после нашего развода. Я заметила ваше имя в старом договоре и решила, что вы управляете мастерской. Надеюсь получить копии заказов, которые докажут, что моё предприятие существовало задолго до брака и не зависело от средств Талленов.

— Но меня не допускали к счетам.

— Это я поняла позднее. Когда встретила вас у ворот, вы выглядели так, словно сами не имели права войти в собственное здание.

Элиара вспомнила закрытую дверь и стражника из первой главы.

— Что я сказала вам тогда?

Мейриса задумалась.

— Сначала вы попросили прощения, хотя ни в чём не были виноваты. Потом оглянулись на карету и велели не подавать официального прошения. Сказали, что письма, адресованные вам, читают раньше вас. Ещё вы назвали этот дом и попросили сохранить все бумаги.

— Вы объяснили, почему дом исключён из городского реестра?

— Я тогда об этом не знала. Пришла сюда и обнаружила, что номера нет. В управе мне заявили, будто адрес выдуман.

Элиара подошла к окну. Отсюда был виден канал, четвёртый мост и противоположный ряд домов. Владельцы соседних зданий могли каждый день смотреть на башню Вельноров, но официально она не существовала.

— Запись закрыли шесть лет назад, — сказала она. — За два года до вашей встречи со мной и задолго до сегодняшнего развода.

Мейриса подняла голову.

— Лорд Корваль готовил всё заранее?

— Это пока предположение. Распоряжение исходило из Палаты городских имён, но писец отказался назвать подписавшего.

— Левраст Мерн?

Элиара повернулась.

— Вы его знаете?

— Он отказывал мне в копиях документов о мастерской. Всегда говорит одинаково: сведения существуют, но вы не обладаете положением, позволяющим их увидеть.

— Вы запомнили его имя.

— Я хорошо запоминаю имена и числа.

Мейриса произнесла это без гордости, как очевидный факт. Она подошла к папке и, не заглядывая в записи, назвала доход мастерской за каждый год, стоимость аренды, число работников и даты трёх крупных заказов.

Элиара слушала всё внимательнее.

— Вы помните содержание документов?

— Почти всех.

— Даже тех, которые у вас забрали?

— Если я успела прочитать страницу, то могу восстановить её достаточно точно.

Такой человек был ценнее десятка случайных свидетелей. Однако Элиара не собиралась превращать Мейрису в удобный источник сведений, не предложив ничего взамен.

— Чего вы хотите от меня?

Мейриса нахмурилась.

— Вернуть мастерскую.

— Это итог. Что вы хотите, чтобы я сделала сейчас?

— Выступили моим защитником.

— У меня нет признанного положения защитника.

- Сегодня вы остановили собственный развод перед двумя сотнями свидетелей.
- Я нашла противоречие в полотно. Это не делает меня знатоком местного права.
- Вы заметили за несколько минут то, чего остальные предпочитали не видеть много лет.
- И могу проиграть через семь дней, если не найду первоначальную клятву.

Мейриса сложила руки на груди.

- Тогда зачем вы задаёте вопросы так, будто уже согласились?

Элиара посмотрела на документы. В прежней жизни она брала дела после проверки обстоятельств, оценки рисков и разговора об оплате. Сейчас у неё не было ни разрешения выступать за других, ни устойчивого положения, ни даже стола, который можно было уверенно назвать своим.

Однако дело Мейрисы могло доказать, что подмена имущественных нитей происходила не только в браке Корвалей. Если механизм повторялся, речь шла не о частной ошибке, а о системе.

- Я возьмусь за ваше дело, — сказала Элиара. — Оплаты не потребуется.

Мейриса недоверчиво прищурилась.

- Бесплатная помощь обычно обходится дороже всего.

— Я не обещаю победу и не прошу благодарности. Мне нужны сведения о том, как оформляли ваш развод, какие документы исчезли и кто получил выгоду. Ваше дело может помочь понять, что произошло с моим имуществом.

- Значит, мы будем использовать друг друга?

- Мы будем работать в общих интересах и заранее знать об этом.

Несколько мгновений Мейриса изучала её лицо. Затем закрыла папку.

- Такой ответ мне нравится больше обещаний о доброте.

Снаружи раздался металлический стук. Элиара и Мейриса одновременно повернулись к окну.

Во двор вошли двое мужчин в серых накидках городской управы. Один нёс молоток, другой — прямоугольную доску. Они остановились у главной двери и начали прибивать объявление к стене.

Элиара вышла на крыльцо.

- Что вы делаете?

Старший из мужчин развернул доску так, чтобы она увидела надпись:

«Здание исключено из городского реестра. Восстановление, изменение и использование для публичного приёма запрещены».

— Поступило уведомление, что в доме появился владелец, — объяснил он. — Мы обязаны обозначить ограничения.

- Кто сообщил?

- Уведомление пришло из управы.

Элиара покинула её меньше часа назад.

- Я не веду публичный приём.

Мужчина посмотрел на Мейрису, стоявшую в дверях с папкой.

- Посетитель уже находится внутри.

- Она пришла как частное лицо.

- Тогда доска вам не мешает.

Он приложил её к стене.

— Помешает, — сказала Элиара. — В объявлении утверждается, что здание нельзя использовать, но городской писец сообщил, что владелец имеет право находиться внутри. Укажите точное основание запрета на приём посетителей.

Мужчина опустил молоток.

- Я выполняю распоряжение.

— Покажите его.

— Оно передано устно.

— Кем?

Он переглянулся с напарником.

— Старшим писцом Мерном.

Левраст действовал быстро. Возможно, он опасался жалобы, а возможно, распоряжение пришло к нему от человека, который следил за Элиарой с момента выхода из дворца.

— Прибейте доску, — сказала она.

Мейриса удивлённо посмотрела на неё.

Городской служитель тоже не ожидал согласия.

— Вы не возражаете?

— Я возражаю против содержания, но не стану препятствовать вам без письменного решения. Только добавьте дату, время и имя человека, отдавшего распоряжение.

— Это не требуется.

— Тогда я сама напишу их на стене рядом.

Мужчина поджал губы. После короткого спора с напарником он достал из сумки мел и вывел внизу доски дату, полуденный час и имя Левраста Мерна.

Элиара внимательно проследила за каждой буквой.

Когда служители ушли, Мейриса спустилась с крыльца и прочла объявление.

— Теперь к вам точно никто не придёт.

— Наоборот. Людям станет интересно, почему город запрещает входить в дом, которого якобы не существует.

— Вы собираетесь оставить доску?

— Разумеется. Она подтверждает, что управа признаёт наличие здания. Невозможно запретить использование того, чего нет.

Мейриса медленно улыбнулась.

— Пожалуй, я действительно пришла по правильному адресу. Даже если официально его не существует.

Они вернулись внутрь.

Для разговора о документах требовалось место, где можно было сидеть, не удерживая папку на коленях. Комната справа подходила лучше остальных: два окна оставались целыми, потолок не протекал, а большой стол у стены сохранил все четыре ножки.

Следующие два часа они выносили пустые коробки, собирали обломки и освобождали полки. Мейриса нашла в кладовой два ведра и старую щётку. Элиара сняла с платья верхнюю белую накидку, сложила её на подоконнике и попыталась очистить стол от толстого слоя пыли.

Работа давалась медленнее, чем хотелось. Парадный наряд мешал нагибаться, ладони быстро покрылись грязью, а в доме обнаруживалось всё больше следов чужого обыска. Из нескольких шкафов выломали задние стенки. В кабинете на втором этаже сняли доски возле камина. Даже подоконники проверяли, оставляя на дереве царапины.

— Здесь что-то искали, — сказала Мейриса.

— Первоначальную брачную клятву.

— Если её не нашли, она могла сохраниться.

— Если нашли, у Дайрэна было шесть лет, чтобы уничтожить документ или заменить.

— Вы уверены, что это сделал он?

Элиара задумалась. Дайрэн получил выгоду, контролировал мастерскую и знал о праве третьего колокола. Этого хватало для подозрений, но не для вывода.

— Я уверена только в том, что он заранее готовился лишиться меня возможности спорить. Кто изменил записи, ещё предстоит доказать.

Мейриса поставила на стол три целых стула.

— Вы говорите иначе, чем на нашей первой встрече.

— Тогда я часто делала выводы без доказательств?

— Тогда вы почти не говорили. Смотрели на карету и всё время боялись, что вас увидят. Элиара провела ладонью по краю стола.

— Теперь меня уже увидели все, кто хотел.

Она не знала, что произошло с прежней хозяйкой тела и почему сама оказалась на её месте. Но с каждым чужим воспоминанием становилось труднее считать ту женщину просто исчезнувшей оболочкой. Она оставила страх, надежды, отдельные фразы и, возможно, попытку подготовиться к будущему разводу.

Дом Вельноров мог содержать ответы не только о брачной клятве.

К вечеру комната изменилась. На чистом столе лежали документы Мейрисы и свиток Кайрвена. На стене сохранилась пустая рама, в которую они вставили лист с тремя строками:

«Споры о брачных записях.

Проверка имущественных нитей.

Обращения принимаются лично».

— Это уже публичный приём, — заметила Мейриса.

— Объявление находится внутри дома. Городские служители не имеют оснований знать о нём, пока сами не войдут.

— А если войдут?

— Тогда подтвердят, что дом существует.

Мейриса закрепила лист и отошла, оценивая результат.

— Не хватает названия.

— Название понадобится после первого выигранного дела.

— Уверены, что оно будет?

— Я уверена, что без работы его не будет.

Элиара открыла папку Мейрисы и начала составлять список вопросов. Кто подписывал брачное полотно? Где находился первоначальный экземпляр? Какие расходы Таллены называли семейными? Кто вёл счета мастерской после свадьбы? Какие заказы подтверждали существование предприятия до брака?

Мейриса отвечала точно, не путая дат и сумм. Вскоре выяснилось, что несколько крупных платежей проходили через общий семейный счёт. Для Арвена это было основанием объявить мастерскую совместным имуществом. Для Элиары та же деталь могла стать доказательством обратного: если муж много лет проводил доходы мастерской через семейную книгу, он признавал её существование и прибыльность, а не создавал предприятие заново.

До окончательного вывода было далеко. Требовалось изучить местные правила собственности и найти документы. Однако впервые с момента пробуждения у Элиары появился не только вопрос, но и направление поиска.

За окнами постепенно темнело. Они зажгли две сохранившиеся настенные лампы. Свет оказался слабым, но его хватало для работы.

— Завтра утром пойдём в Палату городских имён, — сказала Элиара. — Потом попытаемся получить доступ к записям вашей мастерской.

— Нас туда не пустят.

— Тогда мы узнаем, на каком основании не пускают.

— Вам нравится собирать отказы?

— Письменный отказ иногда полезнее устного обещания.

Мейриса закрыла папку.

— Я могу привести ещё троих женщин. У одной после развода забрали пекарню, у другой — долю в речном складе. Третью исключили из дома, который построили на земле её семьи.

— Пока никого не приводите. Сначала нужно понять, имею ли я право представлять хотя бы вас.

— Если ждать разрешения, нас снова успеют лишит всех бумаг.

В её словах была неприятная правда.

Элиара посмотрела на объявление в раме. Комната, которую утром заполняли пыль и обломки, теперь напоминала скромную приёмную. Здесь не было ни городской таблички, ни официальной печати, ни права принимать заявления. Зато имелись стол, документы и две женщины, которым надоело ждать чужого разрешения защищать собственное имущество.

— Приведите их послезавтра, — решила Элиара. — По одной, в разное время. Скажите, чтобы ничего не отдавали городским писцам без копии и подписи получателя.

— У дома нет адреса.

— Пусть ищут объявление о том, что вход сюда запрещён.

Мейриса рассмеялась. Смех прозвучал неожиданно тепло и впервые сделал заброшенный дом обитаемым.

Она начала собирать бумаги, когда ножка стола зацепилась за неровную половицу. Доска приподнялась и с глухим стуком опустилась обратно.

Мейриса наклонилась.

— Под ней пустота.

Элиара принесла металлическую кочергу из соседней комнаты. Вместе они поддели край доски. Та поддавалась не сразу: один гвоздь заржавел, второй оказался согнут и уходил в сторону, словно половицу уже открывали, а затем поспешно вернули на место.

Под полом находилось узкое пространство между балками.

Сначала Элиара увидела пыль и обрывки старой ткани. Затем свет лампы отразился от серебряной нити.

Она опустилась на колени и осторожно вытянула свёрток. Он был завернут в плотное полотно без печатей и перевязан потемневшим шнуром. Внутри лежала церемониальная ткань размером с небольшую скатерть.

Мейриса поставила лампу ближе.

На полотне виднелись два имени.

Элиара Вельнор.

Дайрэн Корваль.

Нити потускнели, некоторые строки были повреждены, а правый край обрезан. Это не могло быть тем огромным Полотном Клятвы, которое висело во дворце. Скорее перед ними находился семейный экземпляр, переданный дому Вельноров после свадьбы.

Третий список, о котором говорил Кайрвен.

Элиара развернула ткань полностью. Золотой ключ мастерской Северного двора соединялся с её именем отдельной серебряной нитью. Никакой передачи роду Корвалей не было. Право Дайрэна распоряжаться доходом обозначалось тонкой петлёй, замкнутой вокруг символа брачной клятвы.

После прекращения брака петля должна была раскрыться.

Первое доказательство находилось перед ней.

Однако радость продлилась недолго.

В нескольких местах нити были выдернуты вручную. Кто-то пытался изменить даже спрятанный экземпляр, но не успел закончить или не нашёл нужного способа. Возле имени Элиары оставались следы тёмной нити, которой не было на дворцовом полотне.

— Посмотрите на край, — тихо сказала Мейриса.

В нижнем углу шов отличался от церемониальной вышивки. Стежки были мелкими и неровными, словно их делал человек, не привыкший работать с Полотнами Клятвы. Нить почти совпадала по цвету с тканью, поэтому фраза становилась заметна лишь под углом.

Элиара поднесла лампу ближе.

Почерк был ей незнаком, но тело отозвалось раньше мысли. Пальцы узнали движение иглы, расстояние между буквами и привычку сильнее затягивать последний стежок в каждом слове.

Эту фразу вышила прежняя хозяйка тела.

Не отец. Не хранитель реестра. Не случайный человек, обыскавший дом.

Сама Элиара Вельнор.

На краю церемониального полотна значилось:

«Моё имя украли до развода».

Глава 3. Первое дело отвергнутой жены

Фраза на краю полотна была слишком короткой, чтобы служить доказательством, и слишком страшной, чтобы её проигнорировать.

Элиара несколько раз прочитала неровно вышитые слова, надеясь, что при другом наклоне ткани заметит продолжение. Серые стежки заканчивались у обрезанного края. Дальше оставались лишь следы выдернутых нитей и узкая полоса, на которой когда-то могло находиться ещё несколько строк.

Мейриса поставила лампу на пол и присела рядом.

— Вы понимаете, что это означает?

— Пока только то, что прежняя хозяйка этого дома заметила подмену раньше, чем Дайрэн объявил о разводе.

Элиара намеренно не сказала «прежняя я». Каждое воспоминание чужой женщины проходило через её сознание, оставляя чувства, движен

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.